

Валерий
Трифонов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСЛЕВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Моя профессия была связана с обучением и воспитанием студентов, с их профессиональной подготовкой в качестве учителей-предметников. Наша задача, и моя в том числе, состояла в том, чтобы дать будущим учителям основы знаний, умений и навыков по педагогике и психологии, необходимых для их работы в школе. Моя профессиональная деятельность предполагала основательное знакомство с особенностями юношеского возраста, с поведением, интересами, привычками, внутренним миром современных молодых людей. Будучи уже пенсионером и почетным работником образования Республики Казахстан, доктором педагогических наук, профессором, я продолжаю наблюдать за жизнью сегодняшних юношей и девушек и нередко сравниваю их жизнь со своим детством и юностью, с иным, суровым миром послевоенного времени. Воспоминания об этом мире, о минувших далеких и нелегких годах, как мне представляется, имеют интерес не только для меня одного. Надеюсь, что мои воспоминания о жизни одного из многих послевоенных поселков, которые подверглись оккупации и разорению со стороны немецко-фашистских захватчиков, о том, как проходило возрождение разрушенного, и о том, как мы, дети суровых лет, росли, учились, трудились и проводили досуг в этих условиях, будут интересными и поучительными для современного молодого читателя.

МОИ РОДИТЕЛИ. РАНЫ ВОЙНЫ

Свои воспоминания начну с рассказа об отце, трудовая и военная деятельность которого определяла «географию» и все обстоятельства жизни нашей семьи, сопровождавшие мои детские и ранние юношеские годы.

Мой отец, Трифонов Василий Андреевич, родился в 1905 году в селе Савкино Петровского уезда Саратовской губернии. До 16 лет рос в крестьянской многодетной семье. Из-за тяжелого материального положения семьи в 1921 году он вынужден был отправиться в поисках работы и пропитания в «хлебный» город Ташкент (добирался до него три месяца) и несколько лет работал там в качестве разнорабочего на стройках Облводхоза.

После призыва в армию в 1927–1928 гг. мой отец служил красноармейцем погранотряда, размещенного в поселке Волочаевске Проскуровского округа УССР.

После демобилизации отец поступает в Тимирязевскую академию (Москва) и оканчивает ее в 1931 году. В дальнейшем он продолжает обучение в Краснодарском государственном сельскохозяйственном институте. Здесь он знакомится с моей матерью, Раисой Павловной Трифоновой (в девичестве Алейник), уроженкой Кубани. Мои родители поженились в 1933 году, в этом же году окончили вуз и выехали по направлению в Казахстан. Отца назначили главным агрономом Алма-Атинского табаксовхоза. В Алма-Ате наша семья жила несколько лет. Здесь родилась моя старшая сестра.

Отца очень ценили в Казахстане. За добросовестную работу он был награжден именными карманными часами фирмы «Павель Буре» с надписью на внешней стороне крышки часов: *«Главному Агроному Алма-Атинского табаксовхоза тов. Трифонову В. А. за перевыполнение плана табака. Нарком пищевой промышленности А. Микоян, 1935 год»*. Несколько позднее он был также награжден нагрудным знаком «15 лет Казахстана».

В 1937 году отца назначили директором Таласского табаксовхоза «Киргизия». Семья переехала вместе с ним. Именно здесь, в Кировском районе Таласской области Киргизской ССР 14 октября 1939 года я появился на свет. В 1940 году отца перевели на должность директора табаксовхоза в станицу Пшехскую Белореченского района Краснодарского края, где и застала нас война.

С самого начала советско-финской войны отцу выдали бронь и сказали: «Руководи хозяйством и снабжай Красную Армию продуктами питания». Однако после настойчивых рапортов отца с просьбой об участии в военных действиях его призвали в армию. Он окончил подготовительные курсы, после чего был направлен на Карельский фронт. На фронте он служил в штурмовом авиаполку, в качестве офицера шифровально-штабной службы. Часто выполнял личные поручения командования по доставке на самолете секретных документов другим войсковым частям. За добросовестное и умелое выполнение служебных обязанностей в военное время он был награжден различными орденами и медалями участника ВОВ.

Во время войны я и моя старшая сестра Ирина вместе с матерью более полугода находились на оккупированной немцами территории Северного Кавказа. Детская память

Трифонов В. А., 1928 год

до сих пор сохранила обрывочные воспоминания о грабеже румынами нашего дома, о бомбежках.

Чтобы нас не убило осколками, мать в момент взрыва резко и с силой окунала меня и сестру в воду какой-то речушки. Помню также о том, как бомба попала в наш дом, едва мы отъехали от него на телеге. О том, как мать отчаянно сопротивлялась и не отдала наших лошадей какому-то военному, бежавшим неизвестно от кого и куда на тарантасе. Они, вероятно, в спешке убегали от наступающих немцев, загнали своих лошадей и решили поменять их на свежих у гражданских обозников.

В то грозное и далекое время многие жены ответственных партийно-хозяйственных работников скрывали сведения о своих мужьях. Не была исключением и моя мать. Прятали документы в земле: фашисты из подразделений СС и их пособники повсюду искали евреев, коммунистов и им сочувствующих граждан, а также их родственников. Надо сказать, что военнослужащие вермахта обычно этим не занимались.

Расстрелы мирного населения при оккупантах были массовым явлением. Мы случайно избежали этой участи. Минула

нас и другая беда – отправка в Германию – просто фашисты в тот момент куда-то торопились. Оккупанты иногда людей вывозили целыми семьями, с малолетними детьми.

Голод, холод, постоянные простуды, эпидемии инфекционных заболеваний... То, что людям удавалось выжить в этих условиях, было настоящим чудом. Выжили и мы. Возможно, что у каждого из нас есть свой Ангел-хранитель...

После окончания войны отца назначили директором Крымского табаксовхоза, который находился рядом со станицей Крымская Краснодарского края. В начале мая 1943 года войска советского Северо-Кавказского фронта осуществили штурм станицы Крымской — современного города Крымска. Борьба за нее стала центральным эпизодом сражений на так называемой «Голубой линии», продолжавшихся всю весну и лето 1943 года. В результате долгих ожесточенных боев станица Крымская и прилегающие к ней населенные пункты были превращены в руины.

Когда мы приехали в поселок Крымского табаксовхоза, то увидели страшную картину разрушений.

В поселке царили голод, нищета и разруха. В поле стояли подбитые танки. В прибрежном кустарнике у маленькой реки, протекавшей рядом с поселком, торчал остов сбитого советского самолета. Повсюду валялись артиллерийские снаряды и минометные мины, неразорвавшиеся авиабомбы, противотанковые и противопехотные мины. В лесу со времен боев остались многочисленные умело замаскированные растяжки мин (подростки их называли «хлопушки») с тонкой и едва заметной проволокой. Задев за нее ногой, солдат мгновенно подрывался.

В открытом поле и окопах лежало очень много стрелкового оружия с русскими и немецкими патронами.

Население поселка за время войны значительно сократилось. Удалось выжить немногим. Ко всему этому, далеко не все жители поселка были здоровы, часто болели, были распространены различные инфекционные заболевания – наследие военного времени: брюшной и сыпной тиф, дизентерия. В этих тяжелейших условиях надо было заново начинать жить, работать и обеспечивать себя пропитанием.

В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ

Чтобы прокормиться, людям приходилось постоянно и упорно трудиться на полях совхоза и в своем подсобном домашнем хозяйстве. Необходимо было добывать корм для немногочисленной «живности», ухаживать за нею, тщательно возделывать огород – перекапывать землю, сажать картошку и другие овощи, окучивать, пропалывать, поливать грядки – без этого урожая нельзя было ждать. Надо было также носить воду из речушки для питья и приготовления пищи, стирки белья и полива огорода, добывать и колоть дрова для печки, которая служила для приготовления пищи и обогрева жилья, и многое другое.

В поселок привозили иногда «деликатесы»: жмых (макуху) и кусковой сахар. Конечно, люди всегда оставались людьми, заботились о семье, о доме, о детях. Но прежде всего надо было выполнять производственный план и сдавать государству сельхозпродукцию. Для большинства жителей поселка главным, определяющим был жизненный принцип: «вначале думай о Родине, а потом о себе». При этом условия существования были очень суровыми: многие семьи проживали в землянках. Окон в них не было. Для освещения, как днем, так и ночью, использовались приплюснутые сверху гильзы от противотанковых патронов с фитилем и керосином. А в качестве источника тепла в землянках стояли самодельные печки «буржуйки» с дымоходом из негодных труб.

Чуть позже люди начали обустраивать свое жилье, появились небольшие сборно-щитовые деревянные «финские» дома, стали возводиться различные производственные помещения. Не всегда хватало времени, материалов, рабочих рук: спешно сооруженные постройки нередко подстерегала беда. Со стороны Новороссийска на поселок время от времени обрушивался очень сильный, шквалистый ветер «Норд-Ост». Причем предсказать ненастье, как правило, было невозможно. Шквал обрушивался на поселок часто по ночам, срывал крыши с домов, рвал линии электропередач на деревянных столбах и разрушал хозяйственные строения, что нередко приводило к пожарам.

В качестве средства оповещения жителей о возникшем пожаре использовался кусок рельса с металлической палкой на столбе в центре поселка. Обнаруживший пожар добегал до этого столба и колотил палкой по рельсу изо всех сил. Ночью, когда все вокруг свистело, сверкало, дрожало и гремело от ураганного ветра, раздавался резкий, тревожный и пугающий «набат». Взрослые и дети выбегали из своих домов и, как могли, помогали в тушении пожара. Кто хоть один раз слышал этот пронзительный и прерывистый ночной звон, будоражащий душу, травмирующий сознание, особенно детское, тот его уже никогда не забудет.

ГУБНАЯ ГАРМОШКА

Однажды летом через наш поселок гнали пленных немцев, которые шли растянувшейся беспорядочной колонной под редким конвоем солдат-красноармейцев. Жители поселка выбегали из домов, останавливались вдоль дороги и с любопытством смотрели на эту серую колонну, на вереницу пленных, одетых в немецкую униформу. Особенно интересно это

было подросткам. Картина была унылая и поражавшая воображение. Все жители смотрели на немцев с чувством ненависти, большая часть – молча, но некоторые мужики говорили: «Сволочи» и грубо матерились. Люди, конечно, не могли забыть бесчинства и зверства оккупантов, понимали, что это были наши враги, но, как мне вспоминается, ни у кого из жителей поселка не было жажды расправы над военнопленными, желания причинить им какой-либо вред. Немцев было много, и шли они через поселок долго. Это был примерно 1947 год.

Рядом с нашим домом пленные сделали привал. Мы, три подростка – я и два моих друга, тут же подбежали к сидящим на земле немцам и остановились как вкопанные, глядя им прямо в глаза. Выражение лица одного из них я до сих пор помню. Он посмотрел на мои совершенно белые от рождения, густые волосы на голове, чему-то грустно улыбнулся, что-то сказал по-немецки и знаком руки подозвал меня к себе. Я подошел к нему, пленный вынул из кармана мундира губную гармошку и подарил ее мне. Мы поспешили домой. Уже рядом с домом один из сверстников сказал мне: «Дай немцу что-нибудь». Я забежал на кухню, нашел краюху хлеба, вынес ее и отдал пленному немцу. Он удивленно взял хлеб в руки, что-то приветливо сказал по-немецки, затем у кого-то из пленных взял небольшой моток бикфордова шнура и отдал его мне, вероятно, в знак благодарности. Затем мы убежали от них.

Такая же губная немецкая гармошка была и у нашего совхозного пастуха, который рано утром собирал у жителей поселка коров в стадо и пригонял их на пастбище, а вечером возвращал хозяевам. Дорога на пастбище проходила мимо нашего дома. Мы тоже выгоняли свою корову в это стадо. Рядом с дорогой стоял у нас сарай; возле него в будке на цепи был привязан очень злой и большой пес по кличке Каток. Когда он ночью срывался с цепи, то разгонял волков. Были случаи, когда Каток их даже загрызал. Скорее всего, пес был помесью овчарки с волкодавом. Мне всегда было очень трудно его накормить, и я не мог даже поставить рядом с ним алюминиевую чашку с едой, потому что при ее приближении он грозно рычал и мог откусить мне руку. Поэтому, подойдя к нему на возможно близкое, но безопасное расстояние, я ставил чашку с едой на землю и какой-нибудь палкой подвигал к нему эту чашку. При ее приближении он рычал и перекусывал эту палку.

Пастух рано утром, на заре, когда еще веяло летней прохладой, одетый в фуфайку и с нахлобученной на голову шапкой, всегда проходил мимо нашей будки со злым псом. Он постоянно останавливался недалеко от Катка, вытаскивал немецкую губную гармошку, наигрывал на ней свои мелодии и тем самым неимоверно сильно дразнил собаку. Пес разрывался лаем, бесился на цепи, выкручивал ее в разные стороны и ошейником рвал себе шею до крови. Я находил белый стрептоцид в таблетках, размельчал их в порошок и засыпал им окровавленную шею пса...

Как-то раз рано утром пастух, как всегда, проходил мимо будки пса. Как обычно, он достал из кармана губную гармошку и, играя на ней, начал по привычке дразнить собаку. Однако пес молчал. Тогда он стал играть громче – нет ответа. Очевидно, пса в будке не было. Пастух собрался уже уходить, но тут Каток неожиданно набросился на него сзади, свалил с ног и начал неистово рвать зубами спину пастуха, который в смертельном ужасе стал громко кричать, визжать, кататься по земле, пытаясь вывернуться из зубов пса. Отец и я тут же выскочили из дома, утихомирили пса и оказали пастуху первую помощь. Он был очень сильно напуган, но, к счастью, незадачливого шутника защитила теплая одежда, на теле не оказалось следов от укусов. Как потом выяснилось, пес ночью сорвался с цепи и бежал с окровавленным ошейником по поселку. Отец меня наказал за то, что я допустил обрыв цепи и не уследил за собакой.

Однако неделю спустя пес все-таки снова сорвался ночью с цепи и бежал по поселку. Утром, в предзвездной летней мгле наш пастух пошел в туалет, но поленился в него зайти, решил справить нужду рядом. Неожиданно он услышал сзади какие-то странные звуки, оглянулся... и увидел в кустах рычащего на него Катка. Сидя на корточках, пастух окаменел от страха, забыв, зачем он присел на землю возле туалета, но успел подумать: «Второй раз, да еще с голым задом, он меня точно загрызет». Затем у него сработал инстинкт самосохранения, он быстро вскочил, подхватил штаны в руки и в утренних сумерках спрятался за дверь деревянного туалета, которая была вся в щелях: доски были сколочены наспех, сооружение явно носило временный характер.

Увидев, что собаки нет, пастух начал справлять нужду и тут же замер от удивления, услышав далекие, глухие и таинственные звуки, которые эхом доносились до него снизу.

Заглянув в дырку, вырезанную в дощатом полу, пастух увидел там черную зияющую пустоту... Сильно перепугавшись, пастух быстро побежал домой, оглядываясь по сторонам, нет ли поблизости злого пса. Прибежал домой и начал взволнованно причитать: «За что мне все это выпало с утра, когда еще свет божий не взошел? Вот это я сходил в туалет! До конца своих дней не забуду такого раннего утра».

Как потом выяснилось, в поселок были приглашены буровики, которые искали артезианские воды. Они просверлили в земле глубокую скважину (примерно 40-45 метров), но воды не оказалось. Кто-то из местных жителей решил использовать результат работы буровиков и соорудил туалет над оставшейся скважиной. Некоторое время спустя это сооружение убрали, а скважину засыпали, во избежание несчастных случаев.

Пастух, переживший смертельный ужас, снова пожаловался на нашу собаку. У отца, как директора табаксовхоза, из-за этого, естественно, были на работе неприятности, и он меня опять строго наказал за то, что я не смог усмотреть за злобным псом. Чуть позже кто-то из местных жителей застрелил Катка из винтовки.

НАШИ ИГРЫ

Примерно через полгода после назначения отца на должность директора табаксовхоза в поселок прибыли опытные саперы и военные специалисты. Надо сказать, что отец с самого начала своей работы неоднократно сообщал руководству о необходимости очищения окружающей поселок местности от опасного наследия войны, но эти обращения долго оставляли без внимания. Меры были приняты только после того, как кто-то случайно подорвался в поле на mine. Саперы разминировали окрестности, убрали искореженную военную технику и пригодное для стрельбы оружие, в изобилии лежавшее повсюду – в поле, в оврагах, в лесу. Однако, несмотря на значительную очистку, проведенную военными, еще некоторое время – 3-4 года оставалось немало оружия, скрытого под тонким слоем земли, сухой травы, опавших листьев – в кустарниках, окопах, оврагах. И это доставляло жителям поселка немало забот и хлопот. При их занятости на работе они далеко не всегда могли уследить за своими детьми и уберечь их от несчастных случаев.

Игры подростков послевоенного времени носили весьма опасный характер. Без ведома взрослых они убегали в лес, обследовали окружающие поля и всегда находили там неразорвавшиеся авиабомбы и снаряды, которые часто лежали открыто на земле или были слегка завалены ветками и травой. Из них дети очень «осторожно», при помощи зубила и молотка, извлекали алюминиевые запалы и трубчатый порох желтоватого цвета. Порох поджигали, затем на трубку наступали ногой, и порох с шипением летал вокруг, что особенно эффектно смотрелось в помещениях.

Из запала иглой аккуратно извлекали «сеточку», после чего в него можно было вставить бикфордов шнур. При извлечении из снарядов и авиабомб запалов и пороха были случаи гибели подростков. Тем не менее, и после таких случаев они продолжали свои поиски в лесу, всегда находя в нем самое различное оружие (советское или немецкое), а также много винтовочных патронов, использовавшихся для изготовления опасных игрушек. При этом из патрона вытаскивали пулю, оставляя на дне патрона немного пороха. Затем эту пулю загоняли обратно в патрон и засыпали сверху оставшимся порохом. Получался так называемый «чеплак», который зажимали пальцами в одной руке, а другой рукой поджигали порох сверху. Все это дымилось, сильно шипело и затем взрывалось: пуля летела в землю, а патрон в воздух. Часто по вечерам эти «чеплаки» подбрасывали вверх, они эффектно взрывались в воздухе. Был особый восторг («цимус»), когда сразу несколько чеплаков одновременно взрывалось над головами.

Из лесу приносили также тол (взрывчатку) и бикфордов шнур. Его отрезок длиной 10-12 см вставляли в запал и очень аккуратно, равномерно и осторожно зажимали, чтобы он не выскочил. Наиболее смелые подростки передними зубами осторожно прикусывали мягкий алюминиевый запал со вставленным в него бикфордовым шнуром, рискуя, что он может взорваться во рту и повредить передние зубы. Затем запал со шнуром вставляли в отверстие шашки тола и к ней прикрепляли еще 2-3 шашки тола. С этой связкой подходили к наиболее глубокому месту речушки, поджигали бикфордов шнур и бросали эту связку в воду. После взрыва подростки собирали оглушенную рыбу для еды. Такой варварский способ добычи рыбы вскоре был строго запрещен.

Летом и весной подростки часто играли в так называемый «ножичек». Обычно собирались где-нибудь в лесу, в укромном месте, и у каждого был нож небольшого размера. Следовало толчком руки по рукоятке ножа, приставляемого к разным частям тела (пальцам рук, ладоням, локтям, плечам, голове, коленям), отправлять его в полет так, чтобы острое втыкалось в землю и нож не падал. Каждый по очереди выполнял эти трюки. Проигравший должен был выполнить особое задание. Суть его состояла в следующем. Готовили колышек длиной семь-восемь сантиметров. Каждый участник игры брал в руку лезвие ножа и его рукояткой три раза бил сверху по колышку, который должен был до конца зайти в землю. Затем в земле выкапывались углубления для носа и подбородка. Проигравший зубами вытаскивал его из земли и убежал от других участников игры. Во время «погони» надо было незаметно, не прибегая к помощи рук, выронить из зубов колышек на землю. Затем начинались поиски. Они длились пять-семь минут. Если колышек находили, то его забивали снова, и проигравший должен был все повторить. В случае неудачи поисков начинался следующий «тур» игры.

Кроме того, подростки любили играть на стройках. У каждого была при себе «шпага с эфесом из жести», сделанная из ровного и прочного древесного прута. Подростки условно делились на «красных» и «белых» и часами «сражались» между собой, «выбивая» противника из занятого им сооружения. Помимо этого играли также в «цурку», «горяк» и другие мало кому известные сегодня детские игры того времени.

Помню также, что подростки часто проверяли друг друга на «прочность организма». В ненастные дни, когда на улице были туман, изморозь, холод, мы собирались у небольшой возвышенности недалеко от поселка. Там заранее была спрятана полая металлическая бочка из-под нефтепродуктов, без верхней крышки и днища. В нее залезал подросток (иногда «испытываемого» заталкивали принудительно), который был одет, как и все другие дети, в ватную фуфайку, на голове – шапка-ушанка, на руках – варежки, а на ногах – кирзовые сапоги. Затем эту бочку сталкивали с этого небольшого каменистого пригорка, и она скатывалась вниз, постепенно набирая обороты, метров 50-60. В ушах стоял страшный грохот, сильно кружилась голова, тошнило и была только одна мысль: когда же бочка наконец остановится.

А внизу тебя ждали товарищи. Они шумно и восторженно останавливали эту бочку и наблюдали за тобой. Если ты выползешь из нее, встанешь на ноги, хотя и шатаешься, но не упадешь на землю, значит, прошел проверку на «прочность организма». А если упадешь, то будешь готовиться в следующий раз к повторному «прокату» в этой бочке. Были случаи, когда подросток не мог сам выползти из нее, его вытаскивали, помогали немного «оклематься» и насмешливо выносили ему свой приговор: «Дохлак, тебя не возьмут в Красную Армию».

ШКОЛА

В разбитом немцами доме, в котором протекала во время дождя соломенная крыша и в окнах не было стекол, отец вместе с рабочими поселка обустроили так называемую школу. Между двумя столбиками, врытыми в землю, была прибита доска – в качестве скамьи, рассчитанной на пять-шесть человек, а между другими двумя столбиками, также врытыми в землю, но расположенными чуть повыше, была прибита другая обтесанная доска – в качестве письменного стола. Таких «парт» было немного, но их хватало на всех учеников. Они были разного возраста, от шести до тринадцати лет.

Проводила занятия только одна учительница, немолодая женщина, Анна Ивановна. Все дети сидели вместе, в одном помещении. Подобная организация занятий напоминала уроки Льва Николаевича Толстого в его Яснополянской школе под Тулой. Он рассказывал крестьянским детям разного возраста понемногу из отдельных областей знаний. Как вспоминают очевидцы педагогического эксперимента Толстого, его рассказы были настолько увлекательны, что ученики не замечали времени, и Лев Николаевич порой спрашивал: «Дети, не пора ли вам домой?». Кто знает, возможно, наша учительница была одной из учениц великого писателя и педагога – из числа этих крестьянских детей. Судя по ее возрасту, это не исключено.

Через некоторое время нас перевели в другую школу, которая находилась на расстоянии трех-четырёх километров от нашего поселка. В эту школу мы ходили всегда гурьбой, но особенно запомнилось ненастное время года, когда по земле стелился сизый туман, а на

Учителя и выпускники семилетней школы Крымского табаксовхоза, 1953 год

дорогах была непролазная грязь. В такую распутицу по улицам не бегали даже собаки. Мы ходили всегда в сапогах, фуфайках и шапках не по размеру, нахлобученных на глаза. В нашу «экипировку» входил также портфель и привязанная к нему на тесемке чернильница в самодельном тряпичном футляре. Небольшими группками по 2-3 человека мы цепочкой «тянулись» на занятия в начальную школу поселка «Шепталка».

Так было до тех пор, пока в нашем поселке не построили новую школу-семилетку, которую я и окончил. Это было современное, по тому времени, здание с просторными классными комнатами и широким коридором. Занятия проводили уже квалифицированные учителя-предметники.

ТРУД ПОДРОСТКОВ

В школе мы постоянно убирали классные комнаты и двор. Летом, на каникулах, нас тоже часто привлекали к труду. Мы помогали рабочим обрабатывать зерно на току, ухаживали за совхозными животными. Девочки нанизывали вручную под навесом сырые листья табака на длинные металлические иглы и спускали их на шнуры для сушки табака.

После жатвы пшеницы все подростки часто собирали лежащие на поле колоски. Они бегали босиком по скошенному полю, кололи ноги о стерню, но упорно собирали в мешок колоски, стараясь не пропустить ни одного. Учетчик взвешивал этот мешок и отмечал, кто и сколько килограмм колосков пшеницы собрал за день: меньше, больше или уложился в условную норму. В зависимости от этого применялись различные формы поощрения или порицания подростков – итоги работы подводились обычно раз в неделю.

Трудились и дома: на крестообразных козлах пилили дрова, кололи их и складывали под навесом. На пришкольном участке сажали деревья и поливали их чистой водой. Учителя воспитывали в нас внимание друг к другу. По их советам на праздники девочки и мальчики дарили друг другу различные поделки, изготовленные ими самими.

ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ ВОИНАХ

Все рабочие и администрация табаксовхоза активно и усердно восстанавливали разрушенный немцами поселок. Здесь оккупантами была оборудована мощная система оборонительных сооружений, получившая название «Готенкопф» (буквальный перевод – «Голова гота»), или «Голубая линия», в ходе многодневного штурма которой погибло очень много солдат и офицеров Красной Армии. Для сохранения памяти о павших в боях

отец организовал жителей поселка для поиска и сбора останков погибших воинов, которые были погребены в многочисленных сооруженных наспех безымянных могилах.

Подросткам не разрешали собирать эти останки, но каждый из нас знал, что в каблук от сапога, в водонепроницаемой алюминиевой капсуле, на клочке бумаги были написаны краткие сведения о погибшем бойце. В случае если мы находили такой каблук, то относили его взрослым для установления личности павшего в бою воина.

По инициативе отца и усилиями жителей в центре поселка в 1946 году был воздвигнут памятник над братской могилой, где были захоронены свыше 300 человек. Все они погибли за правое дело, освобождая в тяжелейших боях наш поселок и его окрестности от немецко-фашистских захватчиков.

Запомнился один эпизод, когда примерно через три-четыре года после похорон павших в боях советских воинов разных национальностей в поселке появился незнакомый для нас, подростков, человек. Он подошел к обелиску над братской могилой, налил полстакана водки, отрезал кусочек черного хлеба, накрыл им этот стакан и поставил его на подножие памятника. Затем налил себе полный, граненый стакан водки и молча выпил его при нас

Трифонов В. А. и его соратники по работе в поселке Крымский табаксовхоз, 1953 год

без закуски, заняв корочкой хлеба. Потом подошел к подножию цементного обелиска памятника, упал на него вниз лицом, распластав в стороны руки, и, лежа, долго рыдал на братской могиле. Скорее всего, это был один из выживших бойцов Красной Армии, который воевал в окрестностях нашего поселка, и его друзья-однополчане, судя по всему, были похоронены здесь.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

С начала 50-х годов родители стали летом направлять нас в пионерские лагеря. Я был в них трижды: один сезон – в лагере «Джемете» (г. Анапа), и два сезона – в лагере «Джанхот» рядом с городом Геленджиком, где мы жили в специально построенных корпусах, а некоторые пионеры были размещены чуть выше наших корпусов, на красивой даче писателя Короленко В. Г., которая была расположена в ущелье, давшем название лагерю.

На море мы ходили ежедневно, каждый раз – строем, по отрядам, при этом пели песню: «Москва-Пекин... идут, идут вперед народы, за прочный мир, за светлый труд под Знаменем Свободы...». Придя на море, иногда раздевались догола (отдельно от девочек) и загорали, переворачиваясь по сигналу горниста. Вначале лежа на животе, затем на спине, потом на правом и левом боку. Затем купались в море: заходили в воду и выходили из нее также по сигналу горниста.

К обеду возвращались также строем, с пляжными принадлежностями, в панаме на головах, и всегда шли с песней: « В защиту мира ... вставайте, люди...».

Однажды вечером у большого лагерного пионерского костра в «таинственной» обстановке начальник лагеря объявил всем пионерам, что этой ночью вражеская подводная лодка высадила в районе нашего лагеря иностранного диверсанта. Затем он назвал его приметы, которые ему сообщили местные чекисты. Надо было искать мужчину средних лет и среднего роста, который, как сказали нам, в спешке не успел переодеться в нашу обычную советскую одежду и потому должен выглядеть очень необычно: быть одетым в клетчатый костюм, яркую, цветную рубашку с бабочкой или шарфом на шее, носить шляпу, темные очки. На ногах у него, по описанию, должны быть лакированные черные туфли-мокасины, в руках – красивая трость и небольшой чемоданчик с рацией. Наша задача как советских пионеров поймать его и передать руководству лагеря для вызова офицеров-чекистов.

Утром, по сигналу горниста, мы, как обычно, встали, сделали физзарядку и собрали личные вещи для похода. После этого нам выдали сухой паек, и мы пошли искать этого «диверсанта» в прибрежном сосновом лесу и кустарниках, росших на песке и каменистых холмах. Ходили долго, с привалом, и только ближе к вечеру его обнаружили. Хотя он убегал и прятался от нас, но его ни с кем нельзя было перепутать. На нем и при нем было все то, что и описал нам начальник лагеря. Когда мы его окружили и начали забрасывать сосновыми шишками, палками и мелкими камнями, то ему стало не до шуток. Он взмолился, снял с себя шляпу, очки и начал громко кричать: «Ребята, прекратите бросать в меня камни, я ваш завхоз, сейчас придет начальник лагеря и все вам объяснит». Начальник лагеря задержался, и до тех пор, пока он не подоспел вместе с вожатым, в «диверсанта» летело все, что попадало под руки детям. Он, как мог, закрывал голову руками от летящих камней, и на него было очень забавно смотреть.

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

За успешное восстановление поселка (в течение девятилетнего периода) и высокие трудовые показатели по сдаче государству различных видов сельхозпродукции отца, в качестве первого директора табаксовхоза, и двух его соратников по работе наградили орденами Трудового Красного Знамени.

После многолетнего и добросовестного совместного труда рабочих и администрации табаксовхоза поселок неузнаваемо преобразился. Можно сравнить фотографии улиц поселка, приведенные в начале, с фотографиями, сделанными через шесть-восемь лет после начала восстановления.

* * *

Оглядываясь на наше трудное и по-своему интересное детство, я прекрасно понимаю и помню, что мы общались с подростками и взрослыми людьми разных представителей народов Северного Кавказа: нохчи, галгаи, греки, армяне, евреи, татары, турки-месхетинцы, украинцы и другие национальности. И мы всегда жили в мире и согласии, объединенные общим тяжелым трудом советского периода послевоенного времени. Данный опыт строительства гармоничных межнациональных отношений, дружеского сотрудничества народов страны советов – это то, чему мы можем поучиться у прошлого.

